

Несмотря ни на что, Имре Кальман по-прежнему феномен. Два обстоятельства делают его в глазах нашей публики настоящим гением — любовь к Парижу и просто любовь со счастливым концом. Ничего больше не нужно. Состояться в любви и посетить столицу Франции.

И то и другое — иллюзии. Любовь, как правило, трудное испытание. А Париж обойдется без любого из нас.

Но страсть человеческая и самообман беспредельна. Кальман — гений мистификаций, слушая его даже в исполнении бродячей труппы на Кавминводах, сдаешься вымыслу.

СИЛЬВА: «Помнишь ли ты?»

ЭДВИН: «Помню ли я?»

Или вот это место. БОНИ (поет):

...Но признаем прямо,

Что нам мила не драма.

Мы любим оперетту и балет.

Как случилось, что вся эта махонькая горстка слов, положенная на музыку, обрела прописку в вечности? В самом деле, разве люди глухи, слепы, неразвиты, если «тащатся» от Кальмана больше полувек? Я знаю режиссеров, высоиных профессионалов, подлинных художников, которых при его имени бьет током: они выражаются в том смысле, что Имре Кальман, сам того не подозревая, нанес высокой культуре в

Колес. провозд. — 1991 — 31 акт. — С. 6.

Мистер Икс на все времена

целом урон, который не подсчитать! И в то же время они не представляют театров без Кальмана...

Затмение не проходит. Мы даже не стремимся постигнуть по-настоящему подлинного гения — Франца Легара, старшего современника кальмановского, но в сотый раз, в тысячный прислушиваемся к нашему сегодняшнему юбиляру.

Рождение «Сильвы», как известно, пришлось на первую мировую войну. Композитору стало стыдно, он отложил перо, прекратил думать о ней, рассчитывал создать что-то зловещее о военных. Ничего не вышло. Надуманная оперетта канула в небытие, а «Сильва» возникла вроде бы и помимо воли родителя. Такой эффект не раз был зафиксирован в истории искусства. Художник теряет власть над собственным материалом, тот начинает существовать вопреки его внутренним установкам.

Кальман, создав «Сильву», кажется, навсегда потерял самоконтроль, не справился с управлением. «Сильва» требовала новую «Сильву». И та возникла под видом «Марицы», «Баядеры», «Принцессы цирка». «Сильва» требовала новых жертв — и они являлись вслед за зрителями Венского «Иоганн-Штраус театра» и Театра «Ан дер Вин». В театральных креслах Краснодара, Киева, Екатеринбург, Одессы, Москвы, Ленинграда, Хабаровска виднелись полубезумные старухи, экальтивированные девицы, томные парни. Они, как последней радостью, дорожили программками, истлевшими от времени, они их хранили всю войну, они их спасли в блокаде, чем потрясли самого Кальмана. Наследство в виде фотографий опереточных актеров, газетных вырезок передавалось в хорошие руки, как живое существо по смерти хозяина.

Стоит ли после всего этого задаваться вопросом о художественных достоинствах его музыки? Власть Кальмана уму непостижима. Вертеп с комическими дураками, монстрообразными, громоподобными дамами, беспричинно хохочущими субретками, лысеющими, молодящимися простачками и, конечно, дивами в полях...

И все — воля ваша — осталось в сознании ВЕЛИКИМ ИСКУССТВОМ.

Тут уместно сказать о русском Кальмане в том же значении, которое употребляется по отношению, например, к «Жизели». Русский Кальман состоялся с участием особого нашего сострадания. Его всегда играли у нас чувствительнее, серьезнее, чем ли, чем на родине. Мы утерjali его непосредственность, но приобрели вечную ноту страдания. Мы играем почти со слезой. Но не фальшивим, нет. Мы так чувствуем. Не имеются в виду курезы, когда Марица в наших переделках уходила в народ, приобщалась к природе и потому стояла у русской печи с ухавами. Чего только наша отечественная сцена не производила. Все эксперименты были посрамлены простым кальмановским куплетом.

Выдающиеся мастера жанра Евгения Белоусова, Нина Энгель-Утина, Маргарита Виск, Людмила Сатосова, возможно, понимали самое сущностное в своих героинях — их живую природу, их идеальные душевные пропорции.

«ПОМНИШЬ ЛИ ТЫ?»

«ПОМНЮ ЛИ Я?»

Я помню. И век буду помнить.

А. КОЛЕСНИКОВ.